

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'27
ББК Ш102

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

М. Б. Ворошилова **M. B. Voroshilova**
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

КРИЗИС — КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО ТЕКУЩЕГО ПЕРИОДА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Рецензия на монографию Л. Цоневой «Думата криза в медийния дискурс (българско-руски паралели) [Велко Търново: Ивис, 2012]. Книга болгарской исследовательницы вписывается в ряд работ, рассматривающих лингвистические аспекты упоминания мирового кризиса в массмедийном и политическом дискурсе.

Ключевые слова: ключевое слово текущего момента; метафорическое моделирование; языковая игра; лексическая сочетаемость; текстогенность.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: shinkari@mail.ru.

CRISIS — KEY WORD OF THE PRESENT PERIOD: HISTORY OF RESEARCH

Abstract. This is a review of a monograph by L. Tzoneva «Words of Crisis in Mass Media Discourse» (Bulgarian-Russian parallels) [Velko Tarnovo: Ivis, 2012]. The book by Bulgarian scientist belongs to a group of works devoted to different linguistic aspects of representation of world crisis in mass media political discourse.

Key words: key word of the present moment; metaphorical modeling; word game; lexical combinability; textogenicity.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Осенью 2008 г. к нам «пришел» экономический кризис: мы наконец-то признали его существование, и он мгновенно стал объектом всеобщего внимания, в том числе ученых-лингвистов. В журнале «Политическая лингвистика» за два последующих года была опубликована целая серия статей, посвященных кризису и его освещению в современных медийных текстах.

В 2009 г. в журнале «Политическая лингвистика» выходит первая статья, посвященная данной проблематике: исследование Татьяны Викторовны Шмелевой «Кризис как ключевое слово текущего момента» [Шмелева 2009: 63—67]. Вот что она пишет: «Сегодня среди ключевых слов текущего момента — *кризис*, это, думается, ни у кого не вызовет сомнений. Рассмотрение его в этом отношении важно не только в плане изучения политического лексикона, интересно увидеть, как работают выявленные признаки ключевых слов в современных условиях» [Шмелева 2009: 63]. В ходе наблюдения над текстами прессы и интернет-ресурсов автор выявляет специфику проявления существительного *кризис* в медийных текстах, отмечая активизацию лексических и грамматических параметров, в том числе метафоры, деривации.

Работа выполнена в рамках РГНФ (грант 11-04-00327а — Политическая коммуникация: общие закономерности и национальная специфика).

© Ворошилова М. Б., 2012

Именно эта статья заложила фундамент и определила основные векторы изучения кризиса и слова, его обозначающего.

Следующая статья, написанная Ириной Венадьевной Башковой, «Существительное *кризис* в российских СМИ XXI века», опубликованная в том же номере журнала [Башкова 2009: 68—71], представляет результаты анализа особенностей употребления существительного *кризис* в русском языке XXI в.

Опираясь на данные Национального корпуса русского языка, автор анализирует частотность употребления этого существительного в XX—XXI вв., отмечая, что пик «популярности» приходится именно на первое десятилетие XXI в., что уже было отмечено в ранее описанных материалах: именно в это время, по мнению Т. М. Шмелевой, «слово *кризис* обнаруживает взрывообразную частотность» [Шмелева 2009: 64].

Далее в своей работе И. В. Башкова, основываясь на конструктивном и семантическом подходах, предлагает словарь семантико-синтаксической сочетаемости существительного *кризис*, что позволяет ей прояснить, что представляет собой кризис и какие сферы жизни он затрагивает.

Автор отмечает: «...слово *кризис* является своеобразным „индикатором“, репрезен-

тирующим в языке изменение мира и изменение отношения человека к миру»; «Кризис связан практически со всеми сферами жизни человеческого общества, а также с личной жизнью человека» [Башкова 2009: 69]. Однако в настоящее время в центре внимания ученых и журналистов, конечно, находится именно экономический кризис.

Составленный исследователем словарь сочетаемости показывает также, «что при любом употреблении кризис оценивается с точки зрения человека. Только те события и ситуации, в которых заинтересован человек, могут быть определены как кризис, где нет человека или его интересов, там нет и кризиса. Даже природные кризисы наступают тогда, когда это угрожает человеку» [Башкова 2009: 70]. Данное замечание важно для позднейшего анализа результатов метафорического моделирования кризиса и выявления его национальной специфики.

Не менее важным кажется нам замечание И. В. Башковой, о том, что «в XXI веке изменилось отношение к кризису, что проявилось, в частности, в модели *управлять кризисом*, где *кризис* представлен в роли объекта воздействия, обладающего более низким социальным статусом, чем человек».

Итак, проведенный автором анализ свидетельствует о том, «что рост степени „кризисности“ сознания в XXI веке проявился, во-первых, в увеличении частотности слова *кризис*, во-вторых, в расширении возможностей его лексико-семантической сочетаемости, а следовательно, и сфер его функционирования, в-третьих, в освоении данным существительным новых моделей управления, в-четвертых, в появлении у существительного *кризис* словообразовательного гнезда. В то же время отношение к кризисам, в особенности к экономическим, стало более спокойным, поскольку к кризисам привыкли и даже научились ими управлять» [Башкова 2009: 70].

Считаем необходимым отметить, что оба автора единодушно отмечают расширение метафорического употребления слова, а также значительный рост количества метафорических способов представления соответствующего явления. Именно проблема метафорического моделирования кризиса в современных СМИ станет самой популярной темой научных работ, опубликованных в журнале «Политическая лингвистика» в последние годы, что обусловлено как актуальностью самой проблематики, так и научными интересами авторов данного издания.

Так, например, анализируя метафорическое представление кризиса в медийных текстах, Т. М. Шмелева описывает кризис

как действующее лицо, причем довольно агрессивное. Помимо антропоморфной, исследователь также отмечает частотность пространственной и предметной метафорической модели.

В 3 номере журнала «Политическая лингвистика» за 2011 г. была опубликована статья Л. М. Салатовой «Отражение образов кризиса российскими СМИ» [Салатова 2011: 162—166]. Автором были выявлены три доминантные сферы-источники метафорической экспансии для сферы-донора «Экономический кризис» в российском медиадискурсе: «Человеческий организм» (42,8 %), «Война» (28,6 %), «Болезнь» (28,6 %) [Салатова 2011: 163].

Уже в следующем номере журнала выходит статья Т. Н. Герасиной и А. М. Погорелко «Метафорическая модель экономического кризиса как продукт национальной культуры», выполненная в русле сопоставительных исследований [Герасина, Погорелко 2011: 183—188].

Авторы анализируют культуроспецифичные ассоциации, получившие отражение в значениях русских и английских метафор экономического кризиса, а в результате выстраивают иерархию метафорических образов кризиса на основе частотности их употребления в политико-экономическом дискурсе, что позволяет сравнить приоритетные модели с точки зрения их соответствия определенным культурным особенностям русского и американского общественного сознания.

Итак, исследователи выделяют также три доминантные метафорические модели: метафору стихии, биологическую и пространственную модели. В русском и американском дискурсе они реализуются по-разному, что особенно ярко демонстрирует модель КРИЗИС — СТИХИЯ: «Представление кризиса как стихийного явления в русской выборке заняло первое место по частотности употребления соответствующих метафор, причем с заметным отрывом от биологической и пространственной моделей (36 против 25 и 24 % соответственно). Английские примеры этой группы оказались лишь на третьем месте при частотности, в четыре раза уступающей их русским аналогам. Уподобление кризиса стихийному явлению в российском политическом дискурсе не просто преобладает количественно, но и реализуется с привлечением большего арсенала образных средств по сравнению с дискурсом англо-американским» [Герасина, Погорелко 2011: 5].

Интересно отметить, что, во-первых, эти результаты не совпадают с полученными ранее Л. М. Салатовой, а во-вторых, проти-

воречат замечаниям Т. М. Шмелевой, которая в 2009 г. писала: «...с этим кризисом не связаны катастрофические метафоры: *пропасть, бездна, тупик*, что было характерно для времени самых первых наших кризисов» [Шмелева 2009: 66].

Данные противоречия обусловлены, конечно же, выбором материалом исследования. Если первые две статьи анализировали СМИ и интернет-ресурсы, выражающие скорее некое общее представление, то Т. Н. Герасина и А. М. Погорелко в качестве материала для анализа выбрали выступления официальных лиц: наиболее близких к вопросам выработки стратегии понимания кризиса президентов России и США, членов правительства и президентской администрации, видных политиков и финансовых экспертов, — мнение которых подкреплено авторитетом изданий, являющихся фактически проводниками государственной идеологии, таких, как «Российская газета» и «New York Times». [Герасина, Погорелко 2011: 186].

Бесспорно, на результаты повлияли и хронологические рамки исследований, ведь работа Т. М. Шмелевой была выполнена в разгар экономического кризиса и отражала оценку событий «здесь и сейчас», в то время как две последующие представляли уже взгляд назад, оценку произошедшего, результат осмысления кризиса и, что особенно важно, его последствий.

В русле политической метафорологии была выполнена и наша работа, опубликованная в первом номере «Политической лингвистики» за 2010 г., «Кризис сквозь смех» [Ворошилова 2010: 89-93]. В рамках данной статьи мы представили результаты исследования метафорического образа мирового кризиса в современной русской политической карикатуре, выбор которой был обусловлен тем, что именно в ситуации современного мирового кризиса в политическом дискурсе особое значение приобретает неформальная коммуникация, а одним из самых эффективных орудий становится политическая карикатура, которая позволяет открыто и довольно точно выразить общественное, часто критическое мнение.

Полученные нами результаты также отличались от описанных выше. В ходе исследования мы определили, что «метафорический образ мирового кризиса в современной русской политической карикатуре основан на трех ключевых метафорических моделях: „кризис — это падение“ (в том числе катастрофа), „кризис — это качели“, „кризис — тяжелая болезнь, смерть“. В качестве определяющих семантических компонентов об-

раза кризиса можно отметить следующие: нестабильность, неизбежность и трагичность последствий» [Ворошилова 2010а: 93].

Необходимо отметить и еще одно направление исследований данной проблематики, относящееся к когнитивной лингвистике, при котором рассматривается современный экономический кризис в зеркале прецедентности. Именно так называлась статья Н. В. Немировой, опубликованная во втором номере журнала за 2010 г. Прецедентные феномены рассмотрены ученым «как репрезентанты компонентов политического сценария „современный экономический кризис“, для которого характерны три модели формирования контекста: мифологизация, демифологизация, антимифологизация» [Немирова 2010: 138].

Прецедентным феноменам в неформальной политической коммуникации были посвящены и две статьи автора настоящего исследования из цикла работ, посвященных изучению современной русской карикатуры о мировом кризисе.

В третьем номере «Политической лингвистики» за 2010 г. мы представили результаты анализа функционирования прецедентного имени в современной политической карикатуре о мировом кризисе [См.: Ворошилова 2010б]. В центре внимания оказались как вербальные («лицо» узнается либо по имени, либо по некой «личной» фразе), так и визуальные прецедентные имена, для представления которых в карикатуре чаще используются средства коллажа или шаржа.

В ходе комплексного исследования мы отметили, что целостный образ можно воссоздать только при анализе соотношения вербального и визуального уровней, их корреляции, даже если отсылка к имени представлена только на одном из уровней. В анализируемых текстах политической карикатуры были выявлены два ведущих типа корреляции: оппозитивная корреляция, нацеленная на создание комического эффекта как ядра карикатуры, и интерпретативная, при которой между содержанием вербального и невербального компонентов связь устанавливается не прямо, а на ассоциативной основе [Подр. см.: Ворошилова 2010б]. Как дополнительный, но не менее частный и значимый, был охарактеризован поддерживающий тип корреляции, при котором один компонент выступает в роли некой подсказки: адресат должен владеть необходимыми фоновыми знаниями для целостного «прочтения» текста карикатуры.

Также мы отметили, что в политической карикатуре спецификой реализации прецедентного имени является его метафориче-

ская основа: автор в рамках единого визуального образа должен представить как реальное политическое лицо, так и оценку его деятельности, и главным инструментом в данном случае становится именно концептуальная метафора, нередко основанная на том или ином прецедентном феномене.

В следующей нашей статье, «У разбитого корыта» [Ворошилова 2011], опираясь на классификацию прецедентных феноменов российской политической карикатуры о мировом кризисе по сферам-источникам, мы провели комплексный анализ культурного прецедентного текста.

Т. М. Шмелева в своей статье писала: «...слово кризис стало восприниматься на фоне не собственных ему прецедентных текстов... Это стоит расценивать как глубокое освоение понятия *кризис* в материи русской культуры и его словесное воплощение» [Шмелева 2009: 65].

Логическим продолжением и попыткой объяснить выявленные нами противоречия стала работа преподавателя кафедры русистики филологического факультета Велико-Тырновского университета св. Кирилла и Мефодия Лиляны Цонева «Думата криза в медийния дискурс» [Цонева 2012]. Рецензируемая монография посвящена особенностям формирования массмедийного образа слова *криза* в болгарском языке и слова *кризис* в русском языке.

В первой главе Л. Цонева анализирует отражение мирового экономического кризиса в болгарских и русских печатных средствах массовой информации.

Детальное исследование огромного корпуса текстов (29 болгарских и российских изданий), формирующих нарратив кризиса, позволило автору показать важнейшие особенности массмедийного отражения данного явления. Выделенные ученым этапы развития кризиса, а главное, описание эволюции отношения к нему журналистов и изменения государственной позиции стали фундаментом для дальнейшего исследования и дали ключ к объяснению выявленных нами противоречий. Полученные результаты имеют особое значение не только для осмысления кризиса, но и в целом для оценки политической ситуации.

Во второй главе представлен тщательный и точный анализ языковых характеристик слова *кризис*, в основу которого положена методика описания ключевого слова текущего момента, определенная Т. М. Шмелевой.

В центре внимания ученого оказались три основных аспекта: лексический, грамматический и текстовый. На лексическом уровне Л. Цонева анализирует сочетаемость

слова *кризис*, а также его метафорические репрезентации. На грамматическом описан деривационный потенциал слова *кризис*, отмечена активизация образования окказиональных слов как формы языковой игры. На текстовом автор, вслед за Т. М. Шмелевой, рассматривает как важную черту ключевых слов текстогенность, понимаемую как способность генерировать тексты разных жанров, прежде всего юмористических. Особое место в анализируемой работе отводится анекдоту как «единственному продуктивному жанру современного фольклора».

Бесспорным преимуществом работы является существенный теоретический блок, позволяющий увидеть не только сам ход исследования, но и понять его теоретическую подоплеку.

Представленная работа позволяет не только пролить свет на особенности восприятия и репрезентации мирового кризиса, но и оценить национальную специфику, увидеть развитие политической ситуации и степень ее влияния на общественное сознание. Важно, что представленная работа может стать основой для будущих сопоставительных исследований ключевых слов текущего момента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баикова И. В. Существительное *кризис* в российских СМИ XXI века // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 68—71.
2. Ворошилова М. Б. Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2010а. № 1 (31). С. 90—94.
3. Ворошилова М. Б. «Алексей Леонидович! Нащупали дно?»: прецедентное имя в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2010б. № 3 (33). С. 61—63.
4. Ворошилова М. Б. У разбитого корыта: культурный прецедентный текст в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 126—129.
5. Герасина Т. Н., Погорелко А. М. Метафорическая модель экономического кризиса как продукт национальной культуры // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 183—188.
6. Немирова Н. В. Современный экономический кризис в зеркале прецедентности: мифы и реальность // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 132—138.
7. Салатова Л. М. Отражение образов кризиса российскими СМИ // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 162—166.
8. Цонева Л. Думата криза в медийния дискурс (българско-руски паралели) : моногр. — Велко Тырново : ИВИС, 2012. — 215 с.
9. Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 63—67.